

В комнате царила полнейшая тишина, нарушаемая лишь редким кашлем Тан Шэня. Помещение само по себе было небольшим, но из-за белого дыма, заволокшего всё вокруг, границы размылись, отчего оно казалось пространством бездонным и призрачным. Ван Чжэнь пошел на звук и приблизился к кровати Тан Шэня. Опустив взгляд, он увидел, что лицо юноши пылает румянцем; Тан Шэнь зажимал рот рукой, пытаясь сдержать позывы, но в следующий миг зашелся столь тяжелым кашлем, что разжал ладонь — и на ней алела свежая кровь.

Ван Чжэнь от испуга на мгновение оцепенел. Он порывисто сделал шаг вперед и вдруг замер. Он пристально посмотрел в совершенно ясные глаза Тан Шэня, и на душе у него стало и смешно, и досадно.

Тан Шэнь с трудом попытался подняться и произнес:

— Я простудился, болезнь накатила так резко и тяжело, что не могу встать, чтобы встретить шисяна. Уходи скорее, шисян, не дай бог заразишься от меня.

Ван Чжэнь ответил с глубокой искренностью в голосе:

— Что за глупости ты говоришь, младший шиди? Мы оба вдали от дома, да к тому же соученики. Я твой старший, как я могу бросить тебя в болезни и не проявить заботы?

Тан Шэнь про себя подумал: «Старший? Да ты же нисколько не хочешь им быть!»

Ван Чжэнь присел на край кровати, разглядывая краску на лице Тан Шэня, а затем перевел взгляд на его ярко-красную ладонь.

Тан Шэнь под этим взором затаил дыхание, боясь, что Ван Цзыфэн заметит подвох. Он нарочно напустил в комнате столько дыма, чтобы скрыть следы и не выдавать свою притворную болезнь. Однако юноша не учел одного: теперь, когда он замер и совсем перестал кашлять, это разительно контрастировало с его недавними заходящимися приступами.

Спустя долгое время Ван Чжэнь протянул руку.

Сердце Тан Шэня замерло.

Ван Чжэнь прикоснулся к его щеке, мягко проведя подушечками пальцев. От этого прикосновения пульс Тан Шэня подскочил еще сильнее, и теперь его щеки вспыхнули пунцом вовсе без всяких румян. Погладив его некоторое время, Ван Чжэнь взглянул на свои пальцы, поднес их к самым глазам Тан Шэня и с улыбкой произнес:

— Покраснело.

Тан Шэнь:

«...»

Ван Чжэнь принял преувеличенно заботливый вид и с абсолютной серьезностью предложил объяснение:

— Неужели ты, когда харкал кровью, случайно испачкал щеку?

Тан Шэнь:

«...»

Умоляю, замолчи!

Поскольку хитрость была раскрыта, Тан Шэню ничего не оставалось, кроме как зажмуриться, притворяясь спящим и делая вид, будто он ничего не слышит. Ван Чжэнь, глядя на это, только тихо усмехнулся и продолжил гладить его лицо: от изящных бровей до белой нежной мочки уха. Затем его пальцы коснулись губ Тан Шэня, но едва он слегка задел их, Тан Шэнь резко отвернулся. Рука Ван Чжэня зависла в воздухе.

Ван Чжэнь замер на миг. Помолчав некоторое время, он тяжело и протяжно вздохнул.

— Младший шиди.

Тан Шэнь не смел ответить.

Ван Чжэнь позвал снова:

— Младший шиди.

Тан Шэнь по-прежнему молчал.

Спустя паузу Ван Чжэнь понизил голос и негромко произнес:

— Тан Цзинцзэ.

Сердце Тан Шэня сжалось. Почувствовав на себе тяжелый, давящий взгляд, он открыл глаза. Ван Чжэнь смотрел на него совершенно спокойно, в глубине его глаз замерла полнейшая тишина. В то же мгновение сердце Тан Шэня отозвалось резкой болью — столько дней он избегал его, столько времени скрывался, но так и не смог сбежать.

Тан Шэнь едва слышно отозвался:

— Да...

— Ты увидел? — спросил Ван Чжэнь.

— Что?

— Мое искреннее сердце, — ровно проговорил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь широко раскрыл глаза. Он приоткрыл рот, но так и не смог вымолвить ни слова.

Глядя на выражение лица Тан Шэня, Ван Чжэнь всё понял. Он горько, самоиронично усмехнулся:

— Ты, разумеется, всё понимаешь. Как и при нашей первой встрече: ты прекрасно знал, кто я такой, но делал вид, будто не понимаешь. — Он прижал ладонь к груди Тан Шэня, и юноше показалось, что сквозь тонкое одеяло его сердце от этого прикосновения прекратило биться. — Ты боишься меня?

Тан Шэнь не мог произнести ни слова.

— Или же ты боишься самого себя?! — добавил Ван Чжэнь.

Когда самое тайное, сокрытое в глубине его души, бесцеремонно задела, Тан Шэнь вздрогнул

всем телом:

— Шисюн!

Ван Чжэнь приложил указательный палец к губам Тан Шэня и тихо прошептал:

— Тсс... Тебе не нужно ничего говорить, я и так всё понимаю. Твой ответ ты давал мне за всё это время, просто я до последнего не смел и не хотел в него верить. — Ван Чжэнь мягко, утонченно улыбнулся, хотя вряд ли кто-то осмелился бы назвать эту улыбку радостной. Постаравшись придать голосу максимально беззаботный тон, он проговорил: — С чего бы мне принуждать тебя?

Тан Шэня от его взгляда бросило в дрожь. Он изо всех сил пытался сказать: «Шисюн, всё не так!», но слова застряли в горле. Палец Ван Чжэня на его губах давил тяжелее, чем Гора Пяти Элементов на Сунь Укуна, и обжигал сердце так сильно, что к глазам подступили слезы.

Ван Чжэнь тихо вздохнул и тем самым пальцем, перепачканным в румянах, бережно повел по брови Тан Шэня. Его движения были исполнены нежности и трепета, словно муж подрисовывал брови своей молодой жене.

— «Завершив туалет, она тихо спросит у мужа: подходят ли брови под нынешнюю моду?»

— Раз уж ты болен, набирайся сил и не переутомляйся.

Ван Чжэнь поднялся и вышел. Тан Шэнь некоторое время неподвижно сидел на кровати, затем внезапно вскочил и выбежал из дома, намереваясь догнать Ван Чжэня. Однако тот на этот раз ушел невероятно быстро: Тан Шэнь промедлил лишь мгновение, а его паланкина уже и след простыл. Тан Шэнь стоял у дверей, растерянно глядя в пустой переулок. Он даже подумал, не отправиться ли прямо сейчас в Резиденцию министра — ему так хотелось сказать Ван Чжэню, что даже если им не быть вместе, он всё равно глубоко уважает Ван Цзыфэна и восхищается им больше всех на свете.

Но Тан Шэнь так и не решился.

На следующий день, еще до начала утренней аудиенции, Тан Шэнь тайком подошел к дворцовому залу, где собирались чиновники второго ранга, вытягивая шею в поисках Ван Чжэня. Однако сановники выходили один за другим, а Ван Цзыфэна среди них так и не оказалось. Когда утренняя аудиенция завершилась, Тан Шэнь снова попытался найти его, но безрезультатно.

Тан Шэнь подумал: «Неужели шисюн взял отпуск и остался дома, не придя на службу?»

Покинув утреннюю аудиенцию, Тан Шэнь направился не в Цензорат, а во Дворец Циньчжэн. Помявшись у дверей, он всё же постучал и вошел. Эту комнату делили Ван Чжэнь и Министр ритуалов Мэн Лан. Сейчас стол Ван Чжэня пустовал, зато Мэн Лан находился на месте. Увидев Тан Шэня, он удивился:

— Господин Тан? Насколько я помню, вы сейчас не несете службу во Дворце Циньчжэн. — С этими словами господин Мэн скосил глаза: — Пришли поискать господина Вана?

Тан Шэнь превозмог неловкость и ответил:

— Именно так. У подчиненного есть разговор к Министру финансов.

Мэн Лан понятия не имел о хитросплетениях, произошедших между соучениками за последние дни, и потому со смехом ответил:

— Какая нечаянность! Неужели вы не знаете? Вчера вечером господин Ван подал во дворец прошение об отпуске для посещения родных и той же ночью покинул город!

Тан Шэнь:

— Что?!

Тан Шэнь отправился сначала в Финансовый приказ, а затем в Резиденцию министра, но повсюду слышал одно и то же.

Ван Цзыфэн действительно покинул столицу и уехал в Цзиньлин!

Тан Шэнь бессильно опустился на стул, сидя как истукан.

«Он рассердился на меня. Он точно на меня рассердился».

«Но я ведь не сделал ничего дурного. Неужели я правда должен быть с ним? Но... но это ведь неправильно!»

Прошел день, и Тан Шэнь успокаивал себя: «Я ни в чем не виноват, я просто не решился отказать шисюну в лицо».

Прошел еще день, и мысль изменилась: «Нет, я виноват. Ни в коем случае нельзя было притворяться больным и обманывать его, еще и имитировать харканье кровью с помощью румян... Он, должно быть, так переживал за меня в тот момент».

Спустя еще три дня Тан Шэнь окончательно раскаялся: «Он относился ко мне со всей душой. Он прекрасно знал, что я расследую смерть господина Ляна и дворцовый переворот тридцатидесятилетней давности, но не только не разоблачил и не остановил меня, а напротив — помогал. Он говорил учителю, что хочет разглядеть для меня все препятствия на пути и развеять все тревоги за спиной, а я всё это время со своим упрямством самонадеянно обманывал его».

«Шисюн...»

«Ван Цзыфэн!»

Цзяннань, Цзиньлин. Клан Ван из Ланья.

С тех пор как двенадцать лет назад Ван Чжэнь занял первое место на императорских экзаменах и стал чиновником в Шэнцзине, он за исключением Нового года редко навещал управу Цзиньлин, а уж так надолго не возвращался почти никогда. Дети Клана Ван прежде жили припеваючи: император далеко, а двое высокопоставленных и внушавших трепет родственников-сановников — Ван Цюань и Ван Чжэнь — отсутствовали. Младшее поколение вовсю развлекалось, а к учебе относилось спустя рукава, лишь бы сдать для галочки.

Теперь же Ван Чжэнь неожиданно вернулся.

Дети из семьи Ван ходили с мрачными минами. Одетые в черные шелка, они за едой боялись обронить хоть слово: стоит ляпнуть лишнее — и тут же получишь дополнительное задание, хоть плачь.

Четвертый дядя семьи Ван, Ван Хуэй, прихватив кувшин отменного чая Билочунь, пришел во двор Ван Чжэня. Дядя и племянник уселись пить чай и беседовать.

Ван Хуэй прекрасно понимал, что он всего лишь торговец и хитрыми умыслами чиновников не обладает — в их игры ему не сыграть. Поэтому он перешел прямо к делу:

— Цзыфэн, ты дома уже пять дней. Разве тебе пора возвращаться в столицу? В столице совсем нет дел?

Если ты не уедешь, то тяжело будет не только племянникам — ему, твоему дяде, тоже жизнь не мила!

<http://bllate.org/book/18292/1757449>